

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. — М.: Высшая школа, 1982. 343 с.

В отечественной романистике 1982 г. ознаменован важным событием: вышла в свет фундаментальная работа «Введение в романскую филологию». Успех книги очевиден. Сразу же после публикации она стала библиографической редкостью. Актуальность рецензируемой книги обусловлена, с одной стороны, отбором важнейших проблем современной романистики, их представлением и решением на основе марксистско-ленинской методологии, а с другой стороны, самой ситуацией, сложившейся в истории изучения романских языков. Ежегодно в нашей стране и за рубежом выходят в свет монографии и сборники научных трудов, посвященные частным проблемам конкретных романских языков, их типологическим и сравнительно-историческим характеристикам. Однако издание систематического курса в области романской филологии, включающего рассмотрение кардинальных проблем, связанных с зарождением, функционированием, взаимодействием на разных этапах развития романских языков и сопряженные с ними вопросы более конкретного характера, — явление, не частое в романистике.

Среди работ общего профиля, трактующих романистическую проблематику в целом, отечественная наука располагала только «Введением в романское языкознание» М. В. Сергиевского, опубликованным в начале 50-х годов (1-е изд. в 1952 г. и 2-е — в 1954 г.). Однако эта содержательная и богатая фактическим материалом работа (и к тому же первая в данной области) в некоторой степени уже устарела. И это неизбежно, т. к. романистика не стоит на месте: появляются новые идеи и методы, в научный оборот вводятся новые факты, рождаются новые теории. Поэтому, естественно, уже давно возникла настоятельная необходимость систематического всестороннего рассмотрения романистической проблематики в целом в свете новейших достижений отечественной и зарубежной науки.

В цели авторов «Введения в романскую филологию» входило приближение традиционной проблематики к современному состоянию науки. Поэтому к числу важнейших задач курса, с точки зрения его авторов, относится органическое объединение его частей: исторических, филологических и собственно лингвистических.

Рассмотрение филологических и лингвистических моментов развития языков в их тесном взаимодействии позволяет

приблизить интралингвистические исследования к исходной филологической проблематике и тем самым избежать противопоставления лингвистики и филологии. Такое противопоставление, довольно характерное для работ предшествующих десятилетий, хотя, возможно, и оправданное для частных исследований в отдельных лингвистических направлениях, в целом не может считаться плодотворным, т. к. неизбежно приводит к нежелательной «атомизации» филологического знания. В трудах ведущих советских ученых неоднократно подчеркивается мысль о комплексном подходе к языковым и филологическим данным, представленным в ходе исторического развития в их органическом единстве.

Против решительного разрыва лингвистики и филологии выступили М. Б. Храпченко, Г. В. Степанов, Р. А. Будагов и другие ученые. М. Б. Храпченко подвергает критике научный подход, когда «каждое из взаимодействующих и соподчиненных явлений предстает в своем независимом существовании и развитии», когда «происходит своеобразная атомизация художественных средств». Поэтому опыт развития научной мысли учит прежде всего тому, что вне «целостного» освещения составных начал объекта научного исследования невозможно выявить роль исторического развития каждого из них. И далее: «и хотя научное изучение процессов, происходящих в природе и обществе, всегда в какой-то степени связано с выделением тех или иных сторон объекта исследования и самостоятельным их рассмотрением, функционально взаимодействующие величины нуждаются в исследовании, раскрывающем их внутреннее единство, единство их развития» [1].

В свете приведенного выше положения пути исследования и систематизации материала авторами рецензируемой книги, равно как и характер отражения ими основных положений современной романистики в учебном курсе, представляются и актуальными и значимыми.

В рецензируемом курсе «Введения в романскую филологию» явно обнаруживается стремление к преодолению «разрыва между социолингвистикой и собственно лингвистикой в области их естественного взаимопроникновения, а именно при исследовании причин распространения языковых изменений», и ставится цель показать «историческую обусловленность

как сходства, так и своеобразия романских языковых систем». При этом, как отмечают авторы курса, «сопоставление систем близкородственных языков не ограничивается их современным состоянием и не является самоцелью: оно лишь помогает обнаружить общность или различие тенденций развития романских языковых систем, отличающихся друг от друга темпом своей эволюции, характером отклонения от языка-основы и степенью сохранности унаследованных от латыни элементов» (с. 4).

Круг проблем, стоящих перед исследователем в области романского языковедения, практически неисчерпаем. Поэтому неизбежно в трудах ученых-романистов акцентируется часть из них. В центре внимания авторов рецензируемой работы находится освещенные проблемы генезиса романских языков и сопряженных с ней других проблем.

«Введение в романскую филологию» состоит из четырех достаточно автономных и вместе с тем тесно взаимосвязанных частей.

Первая часть — «Романский языковой ареал и исторические условия его образования» (с. 6—71) — включает два раздела, посвященные общей характеристике романских языков, ареала их распространения. Автор первой части, Т. А. Репина, уточняя термин «Романия» применительно к романскому языковедению, отмечает при этом определенную «условность» термина. Так, Романия, с позиций современной науки (истории, филологии и др.) и в отличие от традиционного понимания, восходящего к поздней античности, обозначает, собственно, «романский языковой ареал», т. е. область распространения романских языков в настоящую эпоху. Рассматривая общую проблематику романских языков, Т. А. Репина останавливается прежде всего на том, что считать романским языком. Автор проводит грань между самостоятельным романским языком и диалектом, что особенно важно, как нам представляется, в свете специфики исторического развития романских языков. В этом языковом регионе со всей четкостью проявляется диалектика языкового развития. Отдельные языки романоязычного ареала могли иметь разный статус в процессе исторической эволюции, что проявляется в двух разнонаправленных тенденциях развития: от языка к диалекту и наоборот (например, средневековому франкопровансальскому языку в настоящее время соответствует группа отдельных местных (франкопровансальских) говоров — патуа) и наоборот: от диалекта к языку (ср. специфику функционирования галисийского и португальского языков в средние века и в новое время).

Далее автор останавливается на проблеме классификации романских языков, их структурной общности, на понятии литературного языка, креольских языков. Подробно описывается процесс романизации и образования так называемой Древней Романии (романизация Апеннинского и Пиренейского полуостровов, Галлии, Дакии). В заключении раздела рассматриваются проблемы, связанные

с распространением романских языков за пределами Древней Романии и со спецификой их функционирования в странах Латинской Америки, Азии, в Океании и в Канаде. Лингвистическая проблематика данной области романского языковедения налагается автором на широкий исторический фон с учетом фактов социальной истории разных народов.

Вторая часть рецензируемой книги — «Истоки романских языков» (с. 72—136) — также объединяет два раздела. Первый из них посвящен латинскому языку как основе последующих романских языков. Автор этой части — М. А. Таривердиева — в краткой форме излагает важнейшие этапы истории латинского языка, основываясь на характере лингвистических и экстралингвистических данных, а также на хронологии. Автор аргументирует расчленение латинского языка на архаическую, классическую и позднюю латынь, особо отмечая специфику книжной латыни в эпоху средневековья и в новое время. Несомненно плодотворным представляется положение об общности классической и народной латыни. Автор не разделяет явно устаревшую точку зрения о том, что классическая и народная латынь являются двумя «последовательными», «взаимосключающими» этапами в развитии латинского языка либо просто двумя различными языками. Напротив, М. А. Таривердиева придерживается концепции, разрабатываемой в современном отечественном языковедении, согласно которой народная латынь рассматривается как вариант общелатинской диасистемы. При этом народная латынь понимается как «общерасговорный латинский язык во все периоды его существования, с особым учетом всех тех инноваций, которые появились в поздний период его развития, непосредственно предшествовавший периоду формирования романских языков» (с. 92).

Перед тем как перейти непосредственно к классификации письменных свидетельств на народном латинском языке, автор рассматривает проблему единства народной латыни и вопрос хронологии этого языка.

Глава, содержащая жанрово-видовую представленность народнолатинской письменности (различные надписи, дипломатика, историография, художественная литература, агиография, а также грамматические трактаты, глоссарии, схолии и др. тексты), завершается описанием приемов и методов реконструкции народной латыни с учетом ее специфики.

Рассматривая проблему дифференциации народной латыни и ее преобразования в романские языки, М. А. Таривердиева отдельно останавливается на этнических, а также хронологических и социальных факторах. Первые обычно связываются с действием субстрата, суперстрата и адстрата. Автор показывает возможные влияния на народную латынь предроманского языкового субстрата Апеннинского и Иберийского полуостровов, грецизмов, кельтизмов, германизмов, арабизмов, а также балканского языкового адстрата, латинского «культурного» суперстрата. Автор кратко ос-

танавливается на теории дифференциации романских языков Ф. Ж. Моля и на так называемой хронологической теории Г. Грёбера. Подводя итог изложенному, М. А. Таривердиева заключает, что «говоря о причинах дифференциации народной латыни в формировании романских языков, недопустимо склоняться лишь к какой-либо одной из изложенных выше теорий. В современном языковедении при рассмотрении этой проблемы учитывается весь комплекс факторов, как лингвистического, так и исторического и социального характера» (с. 127—128). Данная часть книги заканчивается кратким обзором первых письменных свидетельств на романских языках.

Третья часть книги — «Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем» (с. 137—301) — посвящена представлению фонетической, грамматической и лексической систем романских языков в сопоставительном плане. Разделы этой части книги, написанные Т. Б. Алисовой, содержат большой фактический языковой материал, интерпретация которого, во многих случаях отличаясь от традиционно принятой, основана на теоретических исследованиях автора.

В первом разделе речь идет о фонетике романских языков. Т. Б. Алисова останавливается на таких важнейших проблемах, как проблема фонетических изменений (позиционно обусловленные и спонтанные изменения, их системность, а также предпосылки и пути их развития) и связанное с ней понятие «фонетического закона» (приведенное автором определение младограмматиков гласит: «Один и тот же звук в одних и тех же фонетических условиях в данный промежуток времени и на данной территории изменяется одинаковым образом во всех словах, где он встречается»; с. 138). В данном разделе приводятся понятия пространственных и временных границ фонетических изменений, отмечается роль социальных факторов их распространения, указываются причины (и источники) изменения фонетической системы языка. Применительно к последнему случаю особое внимание уделено заимствованиям.

Далее автор переходит к проблеме преобразования латинской фонетической системы в разных областях Романии, останавливаясь на просодической структуре слова и ударении, отмечая роль последнего в вокалических изменениях (изменения в ударном и безударном вокализме). После разбора системы гласных Т. Б. Алисова переходит к рассмотрению консонантизма, выделяя вначале общероманские изменения согласных, связанные с палатализацией, образованием аффрикат и мягких согласных и т. д. Раздел завершается сравнительной характеристикой фонетических систем романских языков и основных тенденций их развития. Автор показывает, как в результате описанных изменений гласных и согласных фонем «латинские слова народной устной традиции получили в каждом романском языке своеобразный фонетический облик» (с. 181).

Второй раздел посвящен грамматической проблематике романизмов и их происхождению. В нем рассматриваются основные вопросы, связанные с именными частями речи, глаголом и т. д., даются важнейшие представления о частях речи и круг основных проблем применительно к их специфике. Так, например, для существительного приводятся характеристики семантических и словообразовательных подклассов, грамматических категорий рода, числа, особенности склонения. Значительное внимание уделено местоименным актуализаторам и артиклям.

Представляя глагольную систему, автор также останавливается на семантических и формальных особенностях этой части речи, отмечая, что «ни в латыни, ни в романских языках не существует единообразных морфологических или синтаксических показателей, указывающих однозначно на семантический подкласс глагола. Тем не менее, семантические подклассы глагола отличаются друг от друга определенным рядом формальных проявлений» (с. 244). Рассматриваются важнейшие категории глагола (лицо, залог, вид, время, наклонение), а также личные и неличные формы глагола. В этот же раздел включены союзы, там же освещается специфика порядка слов в предложении. Раздел завершается подробной сравнительной характеристикой грамматических систем романских языков. Автор делает заключение, что «несмотря на расхождения по некоторым признакам, романские грамматические системы развивались из народной латыни в одном направлении и, в отличие от фонетических систем, они сохраняют не только генетическую, но и типологическую общность» (с. 288).

В третьем разделе поднимаются основные проблемы, касающиеся лексической системы романских языков. Дается характеристика общероманского лексического состава и последующей лексической дифференциации романских языков, выявляются типы изменения значений слов, а также их причины. Раздел завершается сравнительной характеристикой словарного состава романских языков.

Четвертая часть — «Развитие романского языкознания» (с. 302—335) — отражает историю зарождения и становления романистики как науки. Автор этой части — Т. А. Ренина — дает также краткую характеристику современного состояния романского языкознания, указывая на основные направления романистических исследований.

Как мы уже отмечали, рецензируемая книга объединяет довольно самостоятельные части, хотя и подчиненные единой концептуальной линии. Это имеет свои и положительные, и отрицательные стороны. Прежде всего отметим, что такое построение работы позволяет четко определить основной круг вопросов, рассматриваемых в каждой части, и сохранить при этом индивидуальность каждого автора. Более того, рецензируемая книга, являющаяся учебником, может быть рекомендована романистам разного уровня подготовки: студентам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам.

В связи с этим следует особо отметить третью часть книги, посвященную сопоставительному представлению фонетической, грамматической и лексической систем романских языков. Данная часть содержит исключительно сложные материалы, хотя и вполне доступные студентам, благодаря четкости представления языковых и экстралингвистических фактов и явлений. Не только каждый раздел или глава, но и каждый параграф сопровождается наглядной схемой или таблицей и подробными выводами.

К отрицательным моментам, на наш взгляд, относятся некоторые повторы и неоднозначные интерпретации, встречающиеся в разных частях книги. Например, на с. 317 речь идет об этимологическом словаре Ф. Дюпа, а на с. 319 говорится об этимологическом словаре В. Мейера-Любеке, которые уже были представлены на с. 288—289. На с. 318 приводится определение фонетического закона, уже данное на с. 138. В рецензируемой книге имеются некоторые неточности относительно даты образования французского литературного языка (ср., например, с. 28, 29, 305). Для специально не подготовленного читателя это может создать определенные трудности. Считаем также не вполне удачным отождествлять некоторые понятия, например, лингвистическую географию и ареальную лингвистику (с. 326), адстрат и суперстрат. Так, на с. 125 указывается, что контактирующие языки «следует считать адстратами по отношению друг к другу», а результаты интерференции определять как языковой субстрат. Понятие суперстрата автор считает излишним, не соответствующим никакой лингвистической сущности. Но, несмотря на то, что понятие суперстрата отвергается автором, этот термин находит в книге довольно широкое применение. Напри-

мер, латинскому культурному суперстрату посвящен § 51 рецензируемой работы.

Хотелось бы пожелать авторам расширить отдельные разделы, в том числе последнюю (четвертую) часть, где речь идет о современном состоянии романистики или основных ее направлениях. Это возможно сделать за счет изменения некоторых параграфов. Так, например, в § 115 «Социологический подход к изучению романских языков» излагаются концепции только К. Фосслера и Ф. де Соссюра (с. 319—324) и не упоминаются работы А. Мейе, Ж. Вандриеса и других романистов. Считаем также слишком кратким раздел «Лексика» в третьей части книги (с. 288—302). Было бы желательно помимо представления автором общероманского лексического фонда дать читателю более подробные сведения об этимологической стратификации романских языков и других аспектах их лексических систем. При этом § 105 «Этимологические словари» можно было бы перенести в четвертую часть книги и тем самым избежать некоторых повторов.

В заключение еще раз подчеркнем ценность и актуальность рецензируемой книги и ту особую пользу, которую она уже принесла (и принесет) в подготовке филологов-романистов. Исходя из интересов учебного процесса, а также из задач, стоящих перед современной романистикой, считаем целесообразным переиздать «Введение в романскую филологию».

Волкова З. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храпченко М. Б. Историческая поэтика и ее предмет. — В кн.: Храпченко М. Б. Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 13.

Handbook of Australian Languages. Ed. Dixon R. M. W., Blake B. — The Australian National University Press, Canberra/John Benjamins B. V., Amsterdam. V. 1, 1979, 390 p.; V. 2, 1981, 427 p.

Языки Австралии представляют интерес для лингвистов самой разнообразной специализации: социо- и этнолингвистов, компаративистов и типологов. Осознание того, насколько значимы австралийские языки для языковедения в целом, произошло довольно поздно: вследствие истребления и вымирания аборигенов многие языки либо полностью утрачены, либо оказались на грани исчезновения, ряд же языков подвергся пиджинизации и креолизации. Поэтому недавно начавшийся подъем австралистики был отчасти стимулирован необходимостью срочно фиксировать языковой материал. В то же время австралистика многим обязана и общему развитию науки о языке. Переход от тагмематики, в жестких рамках которой работали австралисты 60-х го-

дов¹, к типологически ориентированному описанию языков был связан с общим совершенствованием лингвистических методов, а это не замедлило дать свои результаты.

Основными проблемами австралистики являются: установление внутренних и внешних генетических связей языков и реконструкция как таковая, ареальная

¹ Пионером австралистики заслуженно считается А. Капелл, чьи работы по классификации и структуре австралийских языков оказали большое влияние на дальнейшие исследования в рамках Австралийского института по изучению аборигенов и австралийского филиала Летнего института языковедения (оба открыты в 1961 г.).